

Подъ грудой камней и столповъ,
 Прешли въ обители отцовъ?
 Вотъ былъ съ Андреевскимъ ауломъ:
 Шесть сутокъ громъ по временамъ
 Изъ тьмы кромѣшной по горамъ
 Носился тихо и протяжно,
 Потомъ рѣшительно и важно
 Во всѣхъ мѣстахъ загрохоталъ,
 Дома и сакли разметалъ,
 Испортилъ въ крѣпости строенья,
 Казармы, стѣны, укрѣпленья—
 И... очень скромно замолчалъ.
 Сего печальнаго явленья
 Мы не застали; но слѣдамъ
 Еще живаго разрушенья
 Дивились съ горестію тамъ.
 Все было дико и уныло,
 Все душу странника въ тоску
 И грусть нѣмую приводило.
 Громады камней и песку,
 Колонны разбитыхъ пирамиды,
 Степные пасмурные виды,
 Туманъ волнистый надъ горой,
 Кустарникъ голый, и порой,
 Какъ будто мертвое молчанье...
 Два дня томилось ожиданье:
 Когда-жъ идти на явный бой,
 Алкая смерти благородной?
 Раздался снова шумъ походный—
 И полкъ дружиной боевой
 Идетъ дорогою степной.
 Все тѣ же холмы, горы, рѣки,
 Все тѣ же вѣтры и жары,
 Сырые, вредные пары
 И кукурузные чуреки *);
 Все тѣ же змѣи по полямъ,
 Вода съ землею пополамъ,
 Кизиль неспѣлый, розанъ дикій,
 Черешня съ лукомъ и клубникой,
 Чеснокъ, коренья всѣхъ родовъ
 И сыръ изъ козихъ твороговъ...

*) Горцы вообще не имѣютъ хлѣба, а замѣняютъ его чуреками—
 лепешками, печеными въ золѣ, изъ проса, пшена или кукурузы. А. П.